(cc) BY

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Иванова Василиса Васильевна
канд. филол. наук, специалист по УМР
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
Г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕОНИМИЧЕСКОЙ И МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ЧУВАШСКОМ И МАРИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация*: в данной статье рассматриваются труды известных ученых и исследователей чувашской и марийской традиционной культуры XIX–начала XX веков. Автором анализируются работы, в которых прямо или косвенно затрагиваются вопросы изучения теонимической и мифологической лексики чувашей и марийцев.*

Ключевые слова*: бог, марийский язык, мари, мифологическая лексика, теонимическая лексика, традиция, чувашский язык, чуваши, язычество.*

Примечание: работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №14-14-21016

Традиционная культура народов мари и чуваш всегда вызывала интерес исследователей. Более того, эта тема располагала уникальным, богатейшим фактологическим материалом для исследования диалога культур между волжскими булгарами, волжскими финнами, славянами и их современными потомками.

По данным исследователей языков, чувашский и марийский языки возникли и развивались на разных этнических основах, в неодинаковых географических и социальных условиях, пока носители этих языков не оказались на территории Волго-Вятского региона.

В русских письменных источниках чувашей и марийцев начинают упоминать с начала XVI в., но и в XVII в. чувашей нередко именуют «горными черемисами», не отделяя от горных мари. Некоторые авторы с удивлением отмечают,

что многие восточно-волжские народы, такие как черемисы, вотяки, чуваши, разговаривают на своем языке, поклоняются своим многочисленным богам, а другие обратили внимание на общность ряда языковых и этнографических черт чувашей и мари.

Историко-этническую территорию обитания чувашей и мари одним из первых обозначили авторы «Записок о Московии», одним из которых был австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, побывавший в России в 1517 и 1526 гг.: «... Беличьи шкурки доставляются тоже из разных мест, наиболее широкие из Сибири, а те, что благороднее всех прочих, – из Чувашии, недалеко от Казани... [...]. Черемисы живут за Волгой на север; для различения от них живущие около Новгорода называются черемисами верхними и горными. У них свой язык, и следуют они учению Магомета» [4, с. 128, 134].

Известный польский общественный деятель и писатель, итальянец по происхождению, Александр Гваньини в «Описании Московии» (1578) повторяет мнение Герберштейна, делая, однако, важное добавление: «...они [черемисы] исповедуют учение не христианское, а магометанское [...]. Они имеют собственный язык и исповедуют магометанскую религию, а некоторые являются язычниками (не зная никакого Бога). Все [...] чрезвычайно склонны к магическим заклинаниям» [4, с. 128, 134].

О чувашах и мари говорится и в работе Адама Олеария «Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах»: «Здесь появляются другого рода татары, а именно черемисы. Они тянутся далеко за Казань, живут по обе стороны Волги... [...], те из них, что живут направо от Волги, именуются «нагорными». Черемисы почитают солнце, огонь, воду, луну, единого «бессмертного бога», а также «духов-мучителей» и приносят умилостивительные жертвы» [9, с. 364–369].

Фактологический сбор сведений о культуре и быте народов Поволжья начался с проведением экспедиций Санкт-Петербургской академии наук 1733–1743 гг. и 1768–1774 гг. Маршруты некоторых путешественников пролегали через местности, населенные чувашами и марийцами: у одних – через Казань, у

других – через Симбирск. Например, сочинения Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, И.И. Лепехина, И.Г. Георги содержат сведения о языке, общественном и семейном быте, хозяйстве, верованиях, обрядах и обычаях и т. д. Следует заметить, что путешественники являлись естествоиспытателями, их предварительные знания о народах России были крайне фрагментарными. При описании народов Поволжья ряд явлений культуры и быта они приводят как бы в обобщенном виде, не всегда выделяя, что присуще тому или иному народу. В этих источниках содержится богатейший материал о нравах, обычаях, верованиях, особенностях языков народа мари и чуваш. Итогом стала публикация нескольких трудов, посвященных, в том числе, и религиозным верованиям. Так, в «Описании живущих в Казанской губернии языческих народов, яко-то черемис, чуваш и вотяков» (1791) академика Герарда Фридриха Миллера, руководившего Сухопутным отрядом Великой Северной экспедиции, о языческой вере черемис сообщается только, что все три народа (черемисы, чуваши и вотяки) живут по одному языческому закону и практически не имеют отличий в относящихся к нему обрядах. Эта книга о марийцах, чувашах и удмуртах является первой работой, в которой представлено целостное описание чувашей. Столь же содержательно и «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (1788) известного натуралиста Петра Симона Палласа, приглашенного в Россию Екатериной II (на него было возложено общее руководство Академической экспедицией). В частности, академик Паллас отмечает, что чуваши кроме главного бога *Торъ*, молятся и другим низшим божествам (автор называет девять из них и описывает жертвоприношения и свадебные обряды). В труде Иоганна Готлиба Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» (1799) содержится больше сведений о черемисских божествах, сделана попытка классификации чувашских божеств с разделением на добрых (их восемь) и злых. Чувашский язык он относит к семейству финских языков, а также отмечает, что внешностью чуваши напоминают татар, а их образ жизни и характер близки к черемисским.

Исключительно богаты языческими верованиями и этнографическими сведениями «Дневные записки путешествия доктора Академии Наук Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», где И.И. Лепехин рассказывает об обрядах, связанных с крещением, родами, свадьбой и похоронами, а также о религиозных верованиях чувашей и мари, жертвоприношениях злым духам, в том числе и *керемети*.

Несмотря на фрагментные сведения, перечисленные работы и сейчас являются ценнейшим богатейшим материалом для исследователей языка, истории, этнографии, фольклора и других сфер жизни чувашского и марийского народов.

Как видим, фактологический сбор этнографического материала о народах России осуществлялся целенаправленно, согласно специально разработанным программам по заданию правительства. Это имело как познавательное, так и прикладное значение. Благодаря опубликованным работам, о чувашах, как и о других народах Поволжья, узнала образованная аудитория России и Западной Европы. Некоторые труды вышли на иностранных языках.

Огромную роль в языковом и историко-этнографическом изучении народов Поволжского региона сыграл Казанский университет, открытый в 1804 г. В «Казанских губернских ведомостях», издаваемых университетом, начали появляться статьи и труды, посвященные древней чувашской и марийской народной религии, мифологии предков чувашей, печатались первые образцы произведений фольклора, которые впоследствии положили начало поэзии и другим жанрам словесной культуры. При Казанском университете в 1878 г. усилиями представителей научно-педагогической и творческой интеллегенции Российского государства было основано Общество по изучению археологии, истории и этнографии народов России, которое издавало свои «Известия» («ИОАИЭ»); всего с 1878 по 1916 г. было выпущено 29 томов; в архиве этого общества содержится более 900 названий отдельных рукописных материалов по языку, истории, этнографии и народному творчеству чувашей.

Самыми ранними фольклорными текстами можно считать записи, которые приводит писатель конца XVIII столетия Капитон Милькович в своей статье

«Быт и верования чуваш Синбирской губернии», которая была опубликована в 1827 г. в журнале «Северный архив» и впоследствии переиздавалась В.К. Магницким (1888), Н.В. Никольским (1914) и частично Национальной библиотекой Чувашской Республики (1997).

В статье приводятся наиболее полная характеристика и описание чувашских богов и духов, дохристианских верований чувашей. Милькович насчитал более 30 добрых чувашских богов и несметное количество злых, которых разделил на главных, средних и малых.

Огромное внимание заслуживает и работа А.А. Фукс (Апехтиной) «Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии», изданная в 1840 году в Казани в виде переписки с ее мужем – ученым и исследователем К.Ф. Фуксом. В письмах из Новинска от 26 октября и 8 ноября А.А. Фукс перечисляет список из 20 черемисских божеств и некоторых чувашских названий богов и злых духов. Сочинение было опубликовано в казанском журнале «Заволжский муравей», затем отдельной книгой, на него появились рецензии в местной и столичной печати. Так, В.Г. Белинский назвал труд А.А. Фукс «примечательным явлением русской публицистической прозы» [5, с. 500].

Священники А. Протопопов, В. Вишневский, А. Хрусталев, Н. Каменский, А. Рекеев, Ф. Виноградов и другие также изучали чувашские языческие обряды и верования. Так, например, протоиерей Курмышского Собора Александр Протопопов в «Кратком описании суеверий чуваш» (1828) кроме первоначальных существ *Тора* и *Шойтан* указал и других злых духов.

Протоиерей В.П. Вишневский в миссионерских записках «О религиозных повериях чуваш», опубликованных в «Казанских губернских ведомостях» (1844–1846), перечисляет более 30 наименований добрых и злых существ.

В 50–60-х гг. XIX в. последовал целый ряд публикаций, содержащих более или менее полные перечни черемисских божеств. Это замечательный «Очерк религиозных верований черемис» С.А. Нурминского (1862), где автор рассматривает различных *вадышей* и национального черемисского бога *Вадыша*; «Религиозные верования черемис» священника Алонзова (1865), где приведен целый ряд

кереметей, шыртов и водыжей; «Быт черемис Уржумского уезда» Н.М. Шестакова (1866), где также приведен ряд божеств; замечательная работа «Горные черемисы Казанского края» П.В. Знаменского (1866), где, в частности, впервые упоминаются такие мифологические персонажи, как *вопман* («обжора, поедающий посевы»), *письмян овошка* («хранитель межей»), помощники бога солнца *хршан* и *сожол*.

В 1879 г. в типографии Казанского университета законоучителем Казанской учительской семинарии, священником Никифором Каменским издана книга «Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш», где при описании богов-домовых он называет злых духов *Вопкънъ*: *Йирихъ* и *Выбаръ* (бог или дух болезней), при описании богов или духов – полевых, лесных и водяных – упоминает *Ворман Амышь* – мать лесов, или просто лешего (бог или дух лесов) [7, с. 8–12].

В трудах известных ученых и исследователей чувашской и марийской традиционной культуры XIX–начала XX веков: В.А. Сбоева, Н.И. Золотницкого, В.К. Магницкого, Н.В. Никольского, Г.Т. Тимофеева, Н.И. Ашмарина, С.К. Кузнецова, И.Н. Смирнова и других – впервые была сделана попытка научного объяснения происхождения древнечувашской и черемисской мифологии, теонимических и демонологических персонажей.

Профессор Казанского университета В. Сбоев в своей работе «Записки о чувашах» (1856) указывает, что «предания народные должны бы быть важнейшим и первостепенным источником для составителя древней чувашской мифологии» [12, с. 8–12]. Труд состоит из 14 глав, дает описание многих сторон культуры и быта средненизовых и низовых чувашей: от физического облика до духовного состояния, от языка до материальной культуры. Кроме собственного материала, он использовал труды предшественников, отмечая положительные стороны и недостатки их работ.

В трудах В.К. Магницкого персонажи из чувашской мифологии частично подвергнуты анализу и систематизации. Им же опубликован ряд материалов о богах и других духах [8].

В середине XIX в. появляются работы историка, этнографа, фольклориста С.М. Михайлова, уроженца д. Юнгапоси Козьмодемьянского уезда. Особенно ценны его очерки о чувашах и марийцах.

Во второй половине XIX в. огромную работу по собиранию и изучению исторических легенд, преданий, мифов народов Поволжья проводило Казанское общество археологии, истории и этнографии. Профессор Н.И. Золотницкий в своих трудах «Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис» (1877) и «Корневой чувашско-русский словарь» (1875) называет традиционные верования мари «шаманскими», видит сходство функций некоторых богов в мифологии мари, коми-пермяков, хантов и чувашей; отмечает типологическую связь с божествами аравийского сабеизма; анализирует мифологические термины народов Среднего Поволжья; объясняет значение и происхождение некоторых имен, заимствованных из тюркских языков. Здесь же впервые дает описание шаманского костюма у мари. В приложении в виде кратких очерков дается описание многих сторон семейных отношений, религиозных верований, праздников и обрядов [6].

Выдающийся этнограф С.К. Кузнецов в очерке «Четыре дня у черемис во время сюрема» (1879) разработал свою классификацию черемисских богов, разделив их на три группы: главные, второстепенные и низшие.

Историк, профессор Казанского университета И.Н. Смирнов в монографии «Черемисы. Историко-этнографический очерк» (1889) систематизировал черемисских божеств и разделил всех богов по их значимости на две основные категории: «высших и низших». Он во многих своих трудах осветил вопросы взаимовлияния чувашей и марийцев в материальной и духовной культуре.

Православный священник Гавриил Яковлев в брошюре «Религиозные обряды черемис» (1887) составил наиболее полный перечень черемисских богов и кереметей. Приведенное им число божеств (около 140 у луговых, 70 у горных черемис) часто принимается другими авторами за основу. Он также разработал подробную иерархическую систему главных и второстепенных богов [13, с. 87].

М.О. Васильев в работе «О киреметях у чуваш и черемис» (1904) анализирует «происхождение» киреметей и их иерархию, классифицирует мифологических персонажей [3, с. 237].

В изучении языческой и традиционной культуры чувашей несомненны заслуги Н.И. Ашмарина, выпускника Лазаревского института восточных языков, в последующем член-корреспондента АН СССР. Начав педагогическую деятельность в Казани в 1895 г., он всю свою жизнь посвятил изучению чувашского языка и культуры. Значимым в этнографическом плане является его труд «Болгары и чуваши» (1902), в котором он на двух языка – болгарском и чувашском – с привлечением материалов по истории и этнографии обосновал булгарскую теорию происхождения чувашей. Огромное значение имеет его 17-томный «Словарь чувашского языка» (1928–1950). Богатый лексический материал был собран Н.И. Ашмариным с участием большой группы корреспондентов, работавших по его программе. Словарь остается бесценным источником фактического материала по этнографии чувашей. В нем описано более 40 тыс. слов, которые размещены гнездами по родственным группам в соответствии со значениями. Для раскрытия смысла приведены контексты, объясняющие значение слов. Некоторые словарные статьи являются своеобразными краткими очерками о тех или иных явлениях культуры и быта. Подробно описаны дохристианские праздники и обряды. По мнению ученого, одними из древних народных произведений являются те, что отражают верования и воззрения чувашей на природу, среди них особое место занимают языческие молитвы. Изучая и сопоставляя их с другими произведениями фольклора, исследователь делает вывод, что языческие молитвы заключают в себе обращения к божествам и сопровождаются различными пожеланиями, указывающими на нужды, устранения которых чуваш ждал от почитаемых им существ, а также на отношение чуваша к окружающему миру, к своей семье, друзьям, чужим людям и т. д. Далее он говорит, что молитвы, как и другие народные произведения, заключают в себе драгоценный материал для познания народной психологии и народных чаяний, они же дают материал и для изучения

чувашской народной религии, изменявшейся с течением времени и принимавшей в себя элементы мусульманской и христианской, а еще ранее, может быть, элементы и других религий, о которых, по мнению автора, «мы доселе ничего определенного не знаем» [1, с. 6]. Ведущие ученые отмечали, что по своему уровню и значению «Словарь» является достижением мирового знания.

Интерес к народам Поволжья проявляли и зарубежные ученые. Большую роль в изучении чувашского и марийского языков и их связей с другими языками сыграли труды венгерских и финских исследователей А. Регули (1819–1858), И. Буденца (1836–1892), З. Гомбоца (1877–1935), А.Э. Альквиста (1826–1889), Х. Паасонена (1865–1919), Г.И. Рамстедта (1873–1950) и А.М. Рясянена (1893–1976), некоторые из которых, например, Х. Паасонен (1898–1992) лично собирали материал в средневолжских селениях, записывали множество чувашских и марийских сказок, легенд, молитв. Работа Х. Паасонена об обычаях и обрядах, народных традициях чувашей издана через 30 лет после его смерти. В монографии М. Рясянена о чувашских заимствованиях в марийском языке (1955) содержится приложение, в котором дан список марийских заимствований в чувашском языке, а также других общих для этих языков слов с неясной этимологией (всего 100 слов: по 50 слов тех и других языков). М. Рясянен по поводу марийских заимствований в чувашском языке писал, что влияние марийского языка на чувашский довольно незначительно [10, с. 31].

Большое внимание обращалось на традиционные религиозные верования, праздники и обряды. В большинстве своем эти описания выполнены приезжими венгерскими исследователями. С целью изучения чувашского языка, этнографии, фольклора по командировке Венгерского комитета Международного общества Средней и Восточной Азии в чувашских селениях Казанской и Симбирской губерний с осени 1906 г. по февраль 1908 г. собирал материал венгерский исследователь Д. Месарош. Его труд «Памятники старой чувашской веры», написанный на венгерском языке по собранным им материалам с использованием сведений В.А. Сбоева, Н.И. Золотницкого, В.К. Магницкого и др. ученых, является

первым научным исследованием по чувашским традициям, мифологии, верованиям. Вторая его работа – «Пословицы, загадки, песни, сказки» – является антологией устного народного творчества чувашей. Чувашские тексты опубликованы в латинской транскрипции. Первая работа переведена на русский язык.

Всенародную славу создал себе своими трудами Николай Васильевич Никольский. Прежде всего он известен как этнограф, этнолог, историк, статистик, социолог, фольклорист, лексикограф. В то же время Н.В. Никольский зарекомендовал себя как глубокий знаток истории и быта чувашского народа и других народностей Поволжья. В связи с этим заслуживают всеобщего внимания его труды «Христанство среди чуваш Среднего Поволжья» (1912), «Сборник исторических материалов о народностях Поволжья» (1919), «История мари» (1920), «Конспект по истории народностей Поволжья» (1919) и др. Он писал статьи в основном о чувашах, татарах, марийцах, мордве, коми, удмуртах, а в обобщающих работах освещал и другие народы: бесермян, калмыков, башкир. Были рассмотрены материальная, духовная культура и система верований народов Поволжья.

В 1930-х гг. собирался материал по устному народному творчеству, куда были включены и материалы о народных верованиях, традиционной культуре и обычаях, богах и духах.

В.Г. Егоров изучением чувашско-марийских контактов специально не занимался, однако хорошо знал труды ученых, посвященные тюркским заимствованиям в финно-угорских языках. Еще в 30-х гг. он констатировал, что «влияние соседних финских языков, хотя и незначительно, сказалось отчасти и на чувашском языке. В результате многовековой совместной исторической жизни из разных финских языков сюда проникло всего только около двух–трех десятков слов» [5, с. 122].

Среди работ, в которых прямо или косвенно затрагиваются вопросы изучения традиционной культуры и быта чувашей, язычества, особое место занимают исследования В.Д. Димитриева. В его фундаментальных трудах «История Чувашии XVIII века» (1959), «Чувашские исторические предания» (1986) и др. нашли

довольно широкое отражение фольклорные и этнографические аспекты. Здесь проанализирован огромный массив архивных и иных сведений о расселении чувашей и других национальностей на территории Чувашии, об их межэтническом взаимодействии, о возникновении селений и городов, социальном и национальном составе населения края, религиозных верованиях чувашей, особенностях культуры и быта народа. Исследователь чувашско-марийских языковых контактов не может обойтись без монографии Г.В. Лукоянова «Марийские заимствования в чувашском языке», посвященной марийским заимствованиям в чувашском языке. Читая словарную часть этого труда, можно заметить, что абсолютное большинство слов марийского происхождения территориально не выходит за пределы нескольких деревень (М. Карачкино, Б. Карачкино, Б. Олгаши, Сятраево, М. Тюмерли, Тяптяево, Юваново), население которых в силу ряда причин, прежде всего вековых брачно-родственных отношений, имело самые тесные связи со своими соседями – горными марийцами. Следует отметить, что благодаря труду Г.В. Лукоянова сделан шаг вперед в выявлении состава мариизмов, распространенных в северо-западном ареале чувашского языка.

Во второй половине XX в. значительный вклад в исследование переплетений судеб чувашского и марийского языков и народов внес видный тюрколог, основатель чувашской школы сравнительно-исторического изучения урало-алтайских языков М.Р. Федотов, автор работ «Исторические связи чувашского языка с языками угоро-финнов Поволжья и Перми» (1965, 1968) и «Чувашско-марийские взаимосвязи» (1990). Данные работы содержат словари чувашско-марийских и марийско-чувашских заимствований и корпус слов, имеющих прямое и косвенное отношение к религиозным верованиям чувашей и марийцев.

Хотелось бы отметить также исследовательскую работу Р.Г. Ахметьянова «Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья» (1981). В книге дается семантический и этимологический анализ лексики, относящейся к мифологии, фольклору, календарным и семейным обрядам, общим для татарского, башкирского, чувашского, марийского и удмуртского языков.

Событием большой научной и практической значимости стало для Чувашии массовое статистико-этнографическое исследование, проведенное в 1981–1982 гг. Институтом этнографии им. Н.И. Миклухо-Маклая АН СССР совместно с НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне – ЧГИГН) по теме «Современные этнические и культурно-бытовые процессы в Чувашской АССР». Оно было организовано и осуществлено главным образом по инициативе и под руководством доктора исторических наук В.В. Пименова, заведующего сектором народов Поволжья, Прибалтики, Европейского Севера Института этнографии АН СССР. Серия данных исследований, проведенных также в Удмуртии (1968), Мордовии (1973) и в Башкирии (1985), была направлена на системное изучение этноса и функциональный анализ его основных компонентов (языка, фольклора, профессиональной духовной культуры, обрядов и обычаев, традиционной материальной культуры и т. п.), на исследование механизма их взаимодействия. Благодаря этому исследованию в Чувашии впервые был получен богатый и многогранный этнический и языковой материал. Результаты данного исследования были изложены в целом ряде публикаций, диссертаций, его итоги нашли отражение в коллективной монографии «Чуваши: современные этнокультурные процессы», вышедшей в издательстве «Наука».

Аналогичные материалы представлены и в коллективной монографии «Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье», созданной при участии исследователей из Института этнографии АН СССР, Башкирской, Марийской, Удмуртской и Чувашской республик, подготовленной и выпущенной Чувашским НИИ в 1991 г. В ней рассматриваются общие закономерности и местные специфические особенности в изменении языковых и этнокультурных характеристик народов указанного региона.

Значительное место в исследовании религиозных верований народов Поволжья позднего периода язычества занимает работа К.И. Козловой «Этнография народов Поволжья». Сравнивая календарные обряды, исследователь приходит к выводу о наибольшей близости верований удмуртов, марийцев и чувашей.

Религиозные воззрения мордвы, по мнению К.И. Козловой, несмотря на наличие многих общих черт с верованиями вышеперечисленных народов, все же отличаются.

Разрабатывая проблемы духовной культуры, языковеды и этнографы изучали народные знания (метрологию, метеорологию, народную медицину). В последние десятилетия XX в. и в начале XXI в. вышло несколько монографий А.К. Салмина и других авторов о традиционных обрядах [11]. В них реконструирована религиозно-обрядовая культура, очерчена цельная и стройная перспектива традиционной духовной культуры, определены структурные блоки обрядов. Можно также указать на ряд интереснейших исследований о высших духовных и злых существах, о религиозных верованиях чувашей, теонимических и демонологических персонажах – это труды П.В. Денисова, В.Г. Егорова, Н.И. Егорова, Г.Е. Кудряшова, В.А. Ендерова, В.П. Никитина, В.Г. Родионова, В.И. Сергеева, А.П. Хузангая и др.

О персонажах марийских легенд и сказок писали в своих статьях фольклористы К.А. Четкарев и В.А. Акцорин. Со строго исторических, атеистических позиций рассматривает религиозные верования мари с древнейших времен А.Ф. Ярыгин в брошюре «Современные проявления дохристианских верований марийцев» (1976). Богатый фактический материал собран Л.С. Тойдыбековой и отражен в ее монографии «Марийская чимарийская вера и этническое самосознание» (1997) и этнографическом справочнике «Марийская мифология» (2007). Большой интерес представляют монографии Ю.А. Калиева «Мифологическое сознание мари. Феноменология традиционного мировосприятия» (2003), Н.С. Попова и А.И. Таныгина «Юмын йӱла» (2003), где авторы пишут о религиозно-мифологических представлениях мари.

Другой ценнейшей работой по марийской мифологии является «Словарь марийской мифологии», изданный в 2006 г. К.И. Ситниковым. Автор выделяет две группы богов – боги высшие боги и низшие, дает их классификацию, приводит список божеств. Работа К.И. Ситникова содержит богатый материал по различным культам.

Как видим, выяснение вопросов культурно-национальных параллелей чувашского и марийского народов на основе исследования религиозно-теонимического пласта лексики сопоставляемых языков представляет большую научную ценность. Поэтому исследование параллелей теонимов чувашского и марийского языков позволит дать ответы на вопросы, связанные не только с этническим становлением чувашей и марийцев, их историей, этнографией, фольклором, но и с формированием чувашского и марийского языков в их современном виде.

Список литературы

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 вып. / Н.И. Ашмарин. – Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950.

2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти томах. Т. 6. / В.Г. Белинский. – СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1901. – 637 с.

3. Васильев М. О киреметях у чуваш и черемис / М. Васильев // Известия Казанской епархии. – 1904. – №8. – С. 237–325.

4. Герберштейн С. Записки о Московии: [пер. с лат. и нем.] / С. Герберштейн; [вступ. ст. А. П. Хорошкевич; примеч. С. В. Думина и др.]. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 429 с.

5. Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык / В.Г. Егоров. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1954. – 239 с.

6. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен / Н.И. Золотницкий. – Казань: Тип. Императ. ун-та, 1875. – 279 с.

7. Каменский Н.Т. (Никанор) Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш / Н.Т. Каменский // Известия по Казанской епархии. – 1878. – №24. – С. 671–683; 1879. – №1. – С. 17–27; №2. – С. 45–56.

8. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры / В.К. Магницкий. – Казань, 1881. – 268 с.

9. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Адам Олеарий. – СПб.: А. С. Суворин, 1906. – 582 с.

10. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков / М. Рясянен. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 220 с.

11. Салмин А.К. Религиозно-обрядовая система чувашей / А.К. Салмин. – Чебоксары: НИИ, 1993. – 210 с.

12. Сбоев В.А. Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. / В.А. Сбоев. – М.: Тип. С. Орлова, 1865. – 188 с.

13. Яковлев Гавриил (свящ.). Религиозные обряды черемис / [свящ. сельца Уньжи Гавриил Яковлев]. – Казань: Православ. миссионер. о-во, 1887. – 87 с.